

ГАДКИЕ УТЯТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Бауэр
Гадкие утята

«Автор»

2026

Бауэр И.

Гадкие утята / И. Бауэр — «Автор», 2026

Сколько стоит неделя в "Раю"? Около 300\$. Сколько стоит быть услышанным? Около 300\$. Нэйт и Элис. Два человека, которые доверились не тем людям, и сильно пожалели. Он - двухметровый верзила с больными коленями, неуклюжий, но не успевший остыть. Она - маленькая, колючая, которая уже позабыла, что значит быть нужной, но хочет снова научиться доверять. Которая верит, что ее тело это проклятие, а не дар. Гадкие утята — это не только про любовь. Это про преодоление страхов, барьеров. Про открытие нового мира. Про прошлое, которое всегда возвращается. Особенно, когда его не ждешь.

© Бауэр И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Внимание.	5
Важное предисловие	6
Глава 1. Первый контакт.	7
Глава 2.1 Неудачники: Элис.	13
Глава 2.2. Неудачники: Нэйт.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гадкие утята

Внимание.

В произведении присутствуют сцены физического и психологического насилия, упоминания суицидальных мыслей, тяжелого эмоционального состояния, а также алкоголь, психоактивные вещества и ненормативная лексика.

Если подобный контент может быть для вас триггерным — пожалуйста, учитывайте это перед чтением.

— **El Paraiso Apartments.**

Важное предисловие

Это мое предисловие, как автора. Я написал его уже после окончания романа. После того как мой друг детства отчаялся и я старался ему помочь. И я помог. Не книгой, а обычным разговором. Теперь я скажу вам то же самое, что я говорил ему:

Любовь — это не «волшебная пилюля». Судьбоносную встречу невозможно запланировать. За ней нельзя угнаться. Она невидима. Она повседневна. Случайна. И появляется только тогда, когда ты ее совсем не ждешь. Когда ты уверен, что тебе это не нужно. Когда тебе уже ничего не нужно.

Знай. Она придет.

Или он.

И ты будешь думать, что сейчас не время, хотя сейчас как раз самое время. Будешь думать, что не тот человек, но это будет именно он. Не спасение, нет. Не чудесный принц на белом коне, что пришел спасти тебя от дракона. Это будет небольшой лучик, который даст тебе надежду в сложной ситуации. Который согреет и не изменит своего направления — будет светить прямо на тебя. И ты загорись. Не сразу, не ярко, но начнешь сиять. Сам не заметишь, как тот человек начнет сиять также, потому что и ты для него стал лучом.

Да, может обжечь. Да, может быть больно. Обжечься всегда можно. Повторю: это не спасение. Можешь обжечь и ты, ведь все мы люди и у каждого своя голова на плечах. Разные характеры, нравы, обычаи. Не каждые подходят друг другу. Одни светят ярче, другие слабее. Одни греют, другие обжигают до черной корочки.

Но это ведь один из множества лучей, не так ли? Каждый выбирает под каким лучом ему стоять.

Каждый ощущает тепло по-разному. Каждый греет по-разному.

Глава 1. Первый контакт.

«Никто не приезжает в рай. Все просто застревают в следующей версии ада.»

Игорь Бауэр, автор.

Серебристый пикап свернул с оживленной трассы на узкую улочку. Покрытые гравием колеса немного буксовали, а навигатор настойчиво пиликал, сообщая о прибытии в точку назначения. В лицо водителю било весеннее калифорнийское солнце, нагревая до предела уже раскаленную приборную панель.

Нэйт достал смартфон из крепления, выключил двигатель и вышел наружу, захватив с собой маленький, почти игрушечный рюкзачок с пассажирского сидения. Для остальных это был просто небольшой рюкзак.

Стенд слева от двухэтажного мотеля горел неонами. Вернее, мигал. «El Paraiso Apartments». Буква «P» не горела, не мигала, она была просто серой. «El araiso», «Арахис» — подумал Нэйт, глядя на нее, заслоняя глаза от солнца ладонью.

Двор был пуст. Бассейн, несколько граффити на его стенках, на самом дне лежало что-то сдутое. То ли детский замок, то ли сваленные в кучу круги для плавания, издали не разобрать. Сам мотель выглядел сносно. Именно в том смысле, в каком это слово и произносится. Здесь не было ничего выдающегося или откровенно плохого. Старые доски, слегка выцветшие красные стены. Ничего того, что могло оттолкнуть Нэйта.

— Лауд?

Донеслось с противоположной стороны. Он обернулся и увидел, как навстречу ему, забавно, словно маленький танк, несется женщина.

Нэйт смотрел на нее. Маленького роста латиноамериканка примерно пятидесяти лет бежала к нему навстречу. Жизнь ее не только состарила, но еще и утратила. Рост едва ли был метр пятьдесят. Такой недостаток роста она успешно компенсировала собственной необъятностью: плотными плечами, широкими бедрами и огромной грудью, опережающей ее на полшага. Женщина приближалась все ближе, размахивая связкой ключей и повторяя фразу: «Ай, dios mio, дай мне сил».

Лицо у нее было круглым, смуглым, с глубокими ямочками на уголках губ. Ямочки эти появились вовсе не от улыбок. Просто она часто растягивала губы — от удивления, разочарования или еще почему-нибудь. На ней был халат, на ногах сияли новые кроссовки, а пышную копну волос удерживала старая широкая резинка с уже почти стершимся логотипом.

— Ты Нэйт Лауд?

— Да.

— Рановато ты, mijo, я-то тебя ждала через полчаса. — Ее голос прокуренный, запыхавшийся из-за лишнего веса, но не грубый. — Фух, солнце-то как печет, ¡chingado madre! — она оттянула ворот халата и обмахнулась потрескавшимся планшетом.

— Я Летиция, Летиция Хименес. Ты у меня комнату забронировал на Airbnb.

Она держала его в руках, то обмахиваясь дальше, то что-то активно записывала. Иногда поглядывала на Нэйта и шурилась от солнца за его спиной.

— Ай-й-й, cuánta juventud está viniendo a California estos días — Пробормотала она себе под нос, на что Нэйт не смог ответить.

Закончив писать, Летиция повернула к нему планшет и ткнула ручкой в графу.

— Вот, тебе нужно здесь расписаться, что ты заселяешься, mijo.

Летиция стояла напротив и улыбалась. Плавно окинула его взглядом: кудрявый, плечистый. Но сутулится. Нэйт был далеко не обычного роста — чуть больше двух метров. И за это он расплачивался здоровьем.

— Ай, pero que buen partido eres, miijo... — сказала она, качая головой в стороны.

Нэйт не понимал, что именно она говорит, но слышал интонацию. Пока он расписывался, его дыхание учащалось, а зубы немного скрипели. Слышал, но не понимал.

— Пятый номер. — Летиция резко, но добродушно врезала ключи ему в руку, когда он закончил, приведя его в чувства.

— Соседи? — холодно спросил Нэйт, глядя то на мотель, пытаясь найти глазами пятый номер, то на Летицию.

— За стеной... chica. Молодая. — Сказав эти слова, она замолчала ненадолго, секунд на пять, а потом выдала словно Нэйт уже успел наделать бед: — Даже не вздумай ее обижать! Она мне уже как дочь!

Летиция ткнула пальцем в противоположную его комнаты дверь

— Вот там живет мужчина. Сейчас его нет, куда-то уехал. — Сказала она и снова посмотрела на него.

Нэйт не ответил. Не потому, что игнорировал — просто не видел смысла. Затем взгляд скользнул к соседней двери рядом с его комнатой, и лицо слегка исказилось, словно тело вспомнило что-то ненужное.

— Ну что, miijo. Откуда сам? Как добрался? — Перебила его мысли, потрогав за предплечье.

Пока он отвечал Летиции, из четвертого номера вышла девушка. Та самая chica. Она закрыла номер, развернулась и на секунду замерла. Не испуганно, нет. Просто она не ожидала увидеть сегодня никого, кроме соседей или Лети. Особенно парня. Особенно молодого.

Они встретились взглядами. Девушка была чуть повыше Летиции, оверсайз-худы с торчащей из-под него белой футболкой, широкие джинсы, подвернутые снизу, и старые кеды. За бликовавшими очками — почти черные глаза. Почему-то он запомнил их именно такими. Черное, небрежное каре до плеч и лицо, которое невозможно «прочитать» с первого взгляда.

Они смотрели друг на друга всего лишь мгновение. Нэйт сразу повернулся к Летиции и продолжил что-то рассказывать.

Потом девушка перевела взгляд на Летти:

— Что за pendejo? — Перебила она его. — Опять пришел кто-то предложить свои услуги или про Бога поговорить?

Нэйт завис. Глаза скользнули на Элис, пока все тело было парализовано. Стук сердца отдавал объемным «Тук-тук» в уши. Вдох через нос Выдох через рот

— Ау, miija, no seas grosera. Este es nuestro nuevo vecino, no un testigo de Jehová! — размахивая руками, Летиция подошла ближе, пока девушка осторожно спускалась по скрипучей лестнице.

— Ой...

Элис словно сжалась. Переживания возникли не из-за него, а потому, что опять ляпнула невпопад, вызывая румянец на щеках Летиции. Испанского Элис не знала, однако интонация была ясна.

— Прости, тетя Летти... — виновато улыбнувшись, сказала она, глядя ей прямо в глаза.

Когда Летиция прекратила размахивать руками и возмущаться, Элис облегченно вздохнула, осознав, что он также не понимает. Извиняться не придется.

Проходя мимо него, Элис остановилась около пикапа. Она услышала, как Нэйт дышит как разъяренный бык. Глаза начали бегать по всему двору, в надежде найти хоть что-то и отвлечь его внимание. Хоть как-то успокоить. Посмотрела на лужицу, вытекающую из-под него. Ткнув в нее пальцем и словно обращаясь непосредственно к автомобилю, произнесла:

— У вас масло вытекает. Если прокладку не подтянете, движок сдохнет.

Закончив, развернулась и пошла дальше. Нэйт взглянул сначала на пятно масла под машиной, затем проводил девушку взглядом и выдохнул через нос, прикрыв глаза.

— Отец научил, — глядя ей вслед бросила Летиция.

— Мне все равно.

— Но ты ведь хотел спросить, *mijo*? — усмехнулась Летиция, покосившись на него.

Летиция развернулась и уже собралась уходить, когда Нэйт окликнул ее:

— Мадам Летиция, что значит *mijo*?

— Это значит «сын», *mijo*.

— А *pendejo*?

Еще не до конца скрывшаяся за домами Элис замерла после этого вопроса.

Летиция смутилась. Было видно, как ей не хотелось отвечать на этот вопрос. Наконец она вздохнула и сказала:

— «Плохой сын», *mijo*, — после чего оставила Нэйта одного.

Элис выдохнула прикрыв глаза, и пошла дальше.

— И не зови меня мадам! — донесся голос откуда-то из-за угла. — Я *Tia Leticia, mijo!*

Нэйт молча кивнул, поднялся и пошел вверх по лестнице. Колени невыносимо ныли. Ступеньки скрипели под тяжестью тела вместе с суставами, только значительно громче. Дверь комнаты открылась легко, и там оказалось ровно то, что он ожидал увидеть: тесное пространство, старый пузатый телевизор, который вряд ли работал, и узкая односпальная кровать, которую он назвал «Для нормальных людей».

— Ну... пойдет... — еле слышно прошептал себе Нэйт. Ударившись лбом о дверной косяк, он тихо выругался и хлопнул дверью. Пауза. Вдруг резко открыл, чтобы проверить, не услышала ли Летиция. Не услышала. Он протер глаза и рухнул на постель прямо в одежде.

Оставшийся день Нэйт провел запертым в комнате. Копался в рюкзаке, пытался включить телевизор, бесцельно бродил взад-вперед, чистил память смартфона. Желудок заурчал. Подошел к двери, положив ладонь на ручку. «Перетерплю», — решил он и снова лег на кровать. Снова встал. Нервно потыкал на кнопку телевизора и обнаружил, что провод оборван. Сел на кровать и схватился за голову. Спустя пару минут он достал зарядку из рюкзака, подключил к телефону и лег.

Деградацию за просмотром коротких роликов прервал звук двери за стеной. Инстинктивно положив телефон на грудь, он слегка привстал, вслушиваясь в шорохи, топот и бормотание. Привлекло его внимание вовсе не ее присутствие — знакомое гудение вентиляторов и тихое жужжание компьютера.

Вздохи, крики, женский писк. Это был не вечер, а насилие над ушами. Он терпеливо лежал, пытаясь не замечать всего этого. Позже Нэйт начал привыкать, почти не обращал внимания и смотрел ролики дальше. Удар по столу заставил его подскочить. Вена вздулась на шее, но он ничего не сказал. Только замахнулся рукой в стену и напряг губы. Вдох Выдох

На часах 00:12. За стеной была уже привычная какофония: клики мыши, сдавленные ругательства. За несколько часов он практически перестал замечать ее — она стала фоном. Но внезапно наступила тишина. Вязкая, тяжелая. Нэйт, практически не шевелясь, старался услышать ее присутствие. Немного приподнявшись, он поднес руку к гипсокартону, но остановился. Не мог. Что-то не давало.

Он лежал и смотрел на стену. Рука поднялась сама. Сжал в кулак, будто проверяя, работает ли она. Работает. Разжал. Поднес палец к стене. Но зачем? Зачем ему знать, что с ней. В тюрьме никто не стучал по стене в желании узнать, как он там. А здесь... Здесь он сам не знал, какой ответ хочет услышать. Мышечная память напомнила, что такое забота, хоть душа и забыла. Он постучал. Два раза.

Молчание. Пять секунд. Десять. Странное, непонятное волнение. Еще недавно замахивался. А сейчас ждет ответа.

— Кто? — на выдохе рявкнула девушка.

— Все нормально?

— Кто это?

— Pendejo.

Молчание.

— Проиграла?

За стеной прозвучал всего один сухой смешок.

— Нет, блин, выиграла! Вот, радуюсь, кайфую, бабахая фейерверки. Слышишь фейерверки?

Он промолчал.

— Прости, не знаю, что на меня нашло, — сказала она и, положив что-то на стол, выдохнула. — И за pendejo прости. — Помялась, будто заставляла себя говорить. — Если обидела.

— Все норм.

Молчание. Минуту. Вдруг — короткий вдох. Не смешок, но тишина уже разбавлена.

— Ты как вообще понял, что я играю? — голос стал ближе, как будто она приблизилась к стене.

— Ты прости, но гудение, кликанье, вздохи. Ты явно там не Pop It так яростно лопала.

Девушка легко фыркнула. То ли она посмеялась так, то ли недовольство. И снова тишина.

— А ты зачем вообще подслушиваешь? — с ноткой недовольства и претензии спросила она.

— Тут стены картонные, у меня выбора нет.

— А, — с той стороны скрипнула спинка кресла. — Извини.

— Я же говорил, не извиняйся. — Повисла пауза, но Нэйт постарался держаться на этой волне общения. — Хорошая клавиатура. Мне твои свичи нравятся. Черри коричневые, верно?

Он почувствовал, как она удивленно уставилась в стену. Не видел, но чувствовал.

— Да-а-а — растерянно протянула Элис. — А как ты понял?

— По звуку. — Почувствовав, что ему удалось заинтересовать ее, он, с ощущением маленькой победы, продолжил: — Я с железом на ты. Раньше у меня был свой магазинчик, компы собирал там, продавал. Пока

Нэйт осек себя. Но сделал вид, что подавился.

— Пока? — не дождавшись ответа, спросила Элис.

— Долгая история, — тихо произнес он.

— Слушай, я все равно пока не усну, — сказала она. — Играть сегодня я уже точно не буду. Так что колись. Что случилось? Пока?

Он молчал, пока Элис чуть-чуть скребла пальцем стол.

— Пока бывшая жена не забрала все, что у меня было.

За стеной повисла тяжелая тишина.

— А как магазин назывался? — голос стал еще мягче, в нем почти не осталось утренней враждебности.

— Laud Tech.

— Никогда не слышала о таком.

— Потому что он был в Модесто. А не здесь — Он вздохнул, и в этом вздохе было слышно, как он улыбнулся. — Не слышала и не услышишь уже.

Пауза.

— Неудачник. — Почти шепотом сказала Элис.

Нэйт напрягся. Губы двигались сами, но слова застряли в горле.

— Как и я. — Слегка дрогнувшим голосом сказала она.

Все напряжение Нэйта ушло. Он просто молча смотрел в стену и не двигался. Тишина. Разбавили ее только клики мыши, а потом и звук гудения пропал.

— Во что играла?

— Что? — Сонным голосом сказала Элис.

— Что-то соревновательное?

— Да нет, босс тяжелый попался.

— Сильный?

— Слабый, блин, — машинально огрызнулась она. — Прости. — Пауза. — Да, сильный.

— Значит потом победишь.

Она молчала и просто постукивала пальцем по столу.

— Ненавижу, — сказала она, будто бы надувшись от обиды. — Не боссов. Терпеть не могу, когда лезешь из кожи вон, стараешься, а все равно есть кто-то, кто тебя побеждает — Она откинулась на спинку кресла.

— У меня ощущение, что ты не только про игру. Я прав?

Молчание.

— Нет, не только, — пробубнила она.

И снова молчание. Молчали они вместе, разделенные гипсокартоном. Не видели друг друга, но оба чувствовали — наконец-то они услышаны.

— Элис, — ни с того ни с сего выпалила она.

— Что?

— Меня зовут так. Элис Брайтвуд.

— Приятно познакомиться, Элис. Я Нэйт. Нэйт Лауд.

— Взаимно.

Снова молчание, но уже легкое, не неловкое.

— У тебя был магазин. Что самое дорогое продавал?

— Ты хочешь знать? Правда?

— Я спрашиваю не из вежливости, Лауд. Я задрот. Мне реально интересно.

Именно этот вопрос запустил длинную дискуссию. Они общались обо всем и ни о чем одновременно. Обсуждали термопасту, видеокарты. Почему одно железо лучше, а другое — дешевая пустышка. Она спрашивала точно, и Нэйт убедился, что она далеко не новичок в этой теме. Даже не любитель. Она была почти наравне с его познаниями. Некоторые вопросы даже ставили его в тупик. Даже пару раз улыбнулся, чувствуя себя любителем. Это было неожиданно и приятно.

Они говорили час. Два. Три. На часах уже было 03:21.

— Ладно, Лауд, — сказала она, потягиваясь, — спасибо за разговор. Но мне завтра на работу. — Кресло скрипнуло, и звук небольших ног отдалялся от стены. — Вернее, уже сегодня.

— Да не за что, — Зевая, ответил Нэйт.

Залезая на свою кровать, которая не скрипела так сильно, но, тем не менее, выдавала ее местоположение, она сказала:

— Нет, правда. Наконец-то хоть с кем-то получилось поболтать. — Она легла на кровать.

— Дискуссия конечно интересная

— Но говорить с человеком, который не отличил процессоры — это уже перебор — Сказал Нэйт и слегка улыбнулся.

Элис фыркнула и выдохнула.

Он хотел продолжить говорить, но понимал, что ей нужно выспаться. Вместо слов он просто два раза постучал по стене. Но уже осознанно.

Скрип кровати, два мягких шага по полу. Пауза. И вдруг *Тук-тук*. Она ответила. Последнее, что он слышал, это звук удаляющихся ног.

Он повернулся в ее сторону, сам того не осознавая. Колени упирались в стену, но ему это было не важно.

[конец первой главы]

Глава 2.1 Неудачники: Элис.

«Жизнь рядом с другими людьми не делает тебя частью их жизни.»

Игорь Бауэр, автор.

Северная Калифорния, округ Сонома, Ранчо «Брайтвуд Хиллз». Десять лет назад.

Девочка тринадцати лет сидела на заборе, что нагрелся от солнца. Пах древесиной и засохшей краской, остатки которой еще не обвалились. Если смотреть на юг, то за холмами видна полоска океана. Оттуда частенько дул приятный ветер, Элис всегда сидела лицом к океану. Позади нее, на севере, были виноградники. Ряды лоз, которых не было видно из-за возвышенности, в сезоны цветения благоухали. По утрам, особенно после дождя, на ранчо частенько стоял свежий аромат винограда. Но иногда он смешивался с лошадиным навозом.

Маленькая Элис выглядела угловатой и неказистой. Почти обычной. Длинные волосы всегда были заплетены в плотную, тугую косу, которую она делала каждое утро. Но зачастую ей помогала мама. Элис травили за запах конюшни и лошадиной мази, называли коровой. В школе она старалась не плакать. Но по приходу домой запиралась в комнате и тихо рыдала в подушку, обнимая своего плюшевого лемура Джаспера. Тогда, в тринадцать лет, у нее еще не было очков, хотя порой приходилось щуриться, чтобы разглядеть что-то вдаль.

— Элис! Дочка!

Из глубины загона донесся голос отца. Элис слетела с забора одним прыжком и побежала не по тропинке, а через высокую траву — вдоль забора. Отец стоял у стойла, держа Пенни, старую кобылу аппалуза, за шею. Гладил, что-то бормотал. Успокаивал, чтобы не брыкалась.

— Тпр-ру-у, хорошая девочка, — мягко сказал он.

Элис подбежала и влетела в отца, обнимая его. Он посмеялся, сел на корточки и показал на копыто.

— Смотри, — сказал он. — Наша Пенни хромает на левое переднее копыто. Что это может быть?

Элис наклонилась и аккуратно провела ладонью по бабке. Копыто было теплее, чем обычно.

— Оно горячее. Может быть — она задумалась, подставив палец к губам. — М-м-м-м апсес?

— Абсцесс, милая, — одобрительно кивнул отец. — Ты умница. Что делаем?

— Проверяем и убираем. — Элис посмотрела на него.

Отец кивнул и встал с другой стороны — чтобы не мешать дочери и успокаивать Пенни. Лошадь была в возрасте, знала: никто не причинит вреда. Боль могла стерпеть, не брыкаться. Маленькие руки Элис на удивление легко справлялись. Она пыхла, шмыгала носом, выдыхала через рот. Спустя время пыхтение прекратилось: абсцесс вскрыли и промыли. Пенни перестала прихрамывать. Опустила голову к Элис, и девочка со звонким смехом погладила ее — лошадиная голова на ее фоне была размером почти с нее.

Спустя время они сидели на террасе дома, глядя на закат и на то, как мама копается в огороде.

— Ты молодец, Эл. Я горжусь тобой, — не отводя взгляда от заката, сказал отец. — Ты вырастешь отличным человеком.

Элис повернула голову в его сторону и просто смотрела. Отец достал пачку сигарет — не дорогих, Philip Morris, — и закурил. Он бросал каждые полгода, но потом срывался и снова курил. Привычка плотно впиалась в его сознание.

«Ты вырастешь отличным человеком», — думала про себя маленькая Элис. Она не знала, что значит быть таким. Но верила — это что-то хорошее, потому что так сказал папа.

К пятнадцати годам Элис начала замечать, что на нее стали чаще смотреть. Парни откровенно глазели, а девушки завистливо шептались. Из неказистой девочки она превратилась в девушку с тонкой талией, округлыми бедрами и лисьими глазами. Гены сделали свое. Мама ей запрещала пользоваться косметикой, потому что не хотела, чтобы дочь портила свою кожу химией. В новой школе ее сразу невзлюбили. Называли пластмассовой и силиконовой. Она научилась стоять за себя несмотря на то, что была младше всех.

Как-то в классе к ней подошел одноклассник. Тревор. Он уже пытался приударить за Элис, но она всегда его отшивала.

— Ну чего ты, Эл, — сказал он. — Тебе пора становиться женщиной.

Он держал пачку презервативов и пихал ей под нос. Друзья за спиной заливались смехом, пока Тревор пытался лапать Элис.

Она ударила его по рукам.

— Отвали, Гамильтон. Я не Лесли.

— Шлюха. — Тревор ударил ее по лицу. С размаху, не думая. — Че ты ломаешься, а? Ломается еще, сидит, шалава. — Он шмыгнул носом и нервно хмыкнул. — Любой просто поюзает и выкинет, как куклу. Ты же пластиковая. Силиконовая.

Весь класс смеялся. Никто не вступился. До прихода учителя оставалось чуть больше пяти минут, когда прозвенел звонок. Элис сидела и держалась за лицо. Тревор слез с ее парты и, смеясь, отбил пять своим прихвостням. «Ты пластиковая. Силиконовая» — вместе с ударом эта мысль влетела глубоко внутрь. Настолько глубоко, что ее уже было не достать.

Когда зашел учитель, то он сразу увидел покрасневшую щеку Элис.

— Так. — сказал он, громко положив журнал на стол. — Что случилось, Брайтвуд?

Элис подскочила, вытянулась как струна. Коснулась пальцами парты. Обернулась и посмотрела на Тревора, который сидел слишком прилежно, но глаза выдавали его мысли. «Только попробуй» — читалось в них.

Она повернулась обратно, опустила глаза и сказала:

— Я поскользнулась и ударилась о парту, мистер Пирс.

— Садись. — выпалил он, будто спросил для галочки. Даже не собирался выяснять.

Спустя два года боли и унижений школа закончилась. На выпускной она даже не пришла. Родители продали ранчо. Засуха, ящур, уничтоживший скот, и долги сделали свое дело. Держать участок без возможности зарабатывать — безумие. Первое время они жили у Беатрис, сестры отца. Месяц — до поступления Элис в колледж. Родители отговаривали ее, просили не оставаться. Хотели, чтобы она поехала с ними во Флориду, к тете Маргарет. Хотели как лучше. Но Элис настояла на своем. Осталась у Беатрис — ждать комнату в общежитии.

А потом появился он.

Дин учился на последнем курсе, был старше на пять лет. Красивый: пышные волосы, гладкая кожа, подтянутая фигура, бархатистый, почти гипнотический голос. Не лез под юбку, ничего не просил взамен, не смотрел на нее как на пластиковую куклу. Пел дифирамбы — постоянно говорил, какая она прекрасная, чудесная. Дин растопил лед в ее сердце. Элис поверила: этот мужчина станет спутником всей ее жизни.

Когда Дин закончил обучение, Элис без раздумий бросила учебу. Он предложил уехать в Портленд — начать новую, прекрасную жизнь. Прекрасную. Как она сама, думала Элис. Она устроилась продавщицей цветов. Дин нигде не работал. Работали его родители — крупная сеть заправок. Они его и обеспечивали.

Однажды вечером, после смены, Дин заглянул в салон. Элис уже закрывалась. Кроме нее, никого не было.

— Привет, Элис, — произнес он.

— Ди-и-ин! — радостно воскликнула Элис. Отбросив букет на стойку, обвила шею Дина руками. — Я как раз собираюсь закрыть магазин. Давай потом выпьем кофе? Идет?

Дин промолчал, лишь улыбнувшись, чмокнул девушку в лоб и утвердительно кивнул.

Позднее, после закрытия магазина, они зашли в небольшую уютную кофейню. Элис заказала привычный раф на цельном молоке с карамельным сиропом, а Дин попросил самый дорогой кофе. Не уточняя конкретики.

— Двадцать один доллар пятьдесят центов, — равнодушно и устало произнесла кассирша. Дин принялся хлопать себя по карманам, притворившись крайне удивленным и огорченным.

— Черт, котенок Я, кажется, бумажник забыл дома — посмотрел на Элис щенячьими глазами, потом на кассиршу. — Ладно, отменяйте. Прости, у меня не голова, а дуршлаг.

Элис с застывшей улыбкой смотрела на Дина и пыталась проморгаться. Улыбалась она уже не столько от теплых чувств, сколько от неловкости. Придя в себя, достала двадцать пять долларов, отдала кассирше. «Без сдачи» — сказала она, не стирая широкую улыбку с лица. Они дождались кофе и пошли домой. Внутри Элис вертелся червячок недоверия, про который она не знала. Или отказывалась знать.

Это был далеко не первый случай.

Все три года из-за безграничной любви к нему Элис не замечала, как звоночки превращались в систему. Сначала это были мелочи: он не дослушивал её до конца, мог просто развернуться и уйти посреди разговора, будто её слова не имели веса. Потом появилось мягкое, уверенное «зачем тебе эта подруга, она тебе не ровня» — и Элис соглашалась, даже не споря, словно ей помогали навести порядок в собственной жизни.

Дальше стало хуже. Он начал исчезать по ночам, не объясняясь. Возвращался как ни в чем не бывало, с тем же спокойным лицом, будто время не имело к нему доступа. Иногда хватал её за руки слишком сильно — до боли, до синяков, оставляя после себя короткое «не беси меня». Иногда отталкивал локтем, когда она пыталась быть ближе, теплее, «слишком навязчивой со своими сю-сю-сю», как он это называл.

Элис постепенно начала угасать. Она все еще вкладывалась в отношения. Вниманием, терпением, оправданиями, но все чаще оставалась одна даже рядом с ним, продолжая верить. Верить, что однажды это просто «перестроится» и станет нормально.

Они продолжали жить на съемной квартире где-то недалеко от центра. Новые подруги говорили ей, что тот факт, что у Дина есть квартира в Нью-Йорке, а они живут здесь, в съемной, — это очень странно. И правда Он ее не сдавал, продавать не собирался. Элис отмахивалась, говорила, что Дину не нужна эта роскошь, ему хорошо с ней.

В один из вечеров Дин, как всегда, куда-то собирался. Элис вышла с кухни, вытирая руки полотенцем.

— Так. — обувался Дин. — Котенок, сегодня не жди, я к друзьям.

Элис достала помятый чек из кармана своих обтягивающих шорт и, демонстративно, помахала им.

— А ты всем своим друзьям покупаешь шампанское и клубнику в шоколаде в — она прищурилась, читая название организации. — Ритц Карлтоне?

Дин посмотрел на чек так, будто это не улика, а мусор, случайно попавший в правильную историю. Потом спокойно выдохнул и даже не спешил вставать.

— Ты сейчас серьезно это держишь в руках как доказательство?

Он застегнул обувь, выпрямился и улыбнулся. Как-то натянуто и опасно одновременно.

— Для начала разберись, что ты вообще читаешь. И потом уже делай выводы о людях.

— Тут имя заказчика написано. Дин Блейк. Других я не знаю. — сжала губы Элис.

Лицо Дина вмиг стало серьезным. Желваки дернулись, а веки расслабились.

— И что? — суха выкинул он. — Что ты хочешь услышать?

— Правду, Дин.

Он посмотрел на нее, потом на чек. Улыбнулся. Нежно, по-домашнему.

— Господи, котенок, — выдохнул он и наклонил голову. — Ты снова себя накручиваешь.

Он подошел ближе и забрал чек. Не силой, не вырывал. Просто аккуратно взял, скомкал, убрал в карман и, обойдя Элис сзади, обнял.

— Ты правда решила, что я тебя обманываю? — шепнул он ей прямо в ухо. Специально задев ее эрогенную зону. — Тем более изменяю?

Он начал целовать ее шею. Просто так.

Элис прикрыла глаза и резко выдохнула. Она машинально открыла шею и обхватила ладонями его руки, что были на ее шее. Вдруг она открыла глаза и осознание ударила сильнее кувалды.

— Дин Но ведь Я не говорила про измену

Она попыталась отодвинуться.

Не получается.

— Дин, отпусти.

Воздух начинает заканчиваться. Паника усиливается. Дин специально обнял за шею?

Нет. Он не обнял.

Он душит.

— Ты правда считаешь меня изменщиком? — он трясет головой, руки сжимаются еще сильнее.

— Дин — хрип.

— Ты так говоришь про меня

Хрип становится тише.

— После всего

Она пытается дернуться — бесполезно.

— Что я для тебя

Ее глаза закрываются.

— Сделал?

Рука, что держала захват Дина, обмякла. Он опустил ее на пол. Проверил пульс. Жива. Отнял пальцы.

Стоял. Смотрел на нее. На свои руки. На красные следы на ее шее. Только тогда он понял. Схватился за голову, сорвался с места. Нашел чемодан и судорожно начал собирать вещи.

Элис не помнила, сколько пролежала на полу. Что произошло после того, как Дин поцеловал ее в шею. Почему она вообще на полу? Когда открыла глаза, Дина уже не было. Дверь была открыта. Она лежала на холодном линолеуме, пыталась прокашляться, держалась за горло. Сбережения, что копилась на протяжении трех лет, пропали. Остаток денег с продажи ранчо, лишней смены, небольшой халтуры. Пропали и ключи от машины, что была взята в кредит заранее, — она училась на права параллельно работе. Honda Civic и тридцать тысяч долларов.

Она села посреди бардака, что развел Дин. Мутными глазами смотрела на вещи, все еще не понимая где она вообще находится.

Спустя время увидела листок бумаги, брошенный на диван. Прочитала самую первую строчку, которая била наотмашь сильнее, чем Тревор несколько лет назад:

«Вот финальный пример прощального письма, которое звучит уважительно и искренне:»

Она смотрела на эту строчку дольше, чем на все письмо. Словно надеялась, что ошиблась. Что это какая-то шутка. Что дальше будет настоящее письмо от Дина.

«Дорогая Элис. Мне очень нелегко это писать, и я долго подбирал слова. Я пришел к выводу, что нам будет лучше двигаться дальше разными путями. Хочу сказать, что искренне ценю всё то время, что мы провели вместе, и благодарен тебе за каждый момент. Ты замечательный человек, и я желаю тебе только самого лучшего. В последнее время я много размыш-

лял о себе и о своих целях, и понял, что сейчас нахожусь на таком этапе жизни, когда мне необходимо побыть одному, чтобы разобраться во всем. Это не твоя вина, ты не сделала ничего плохого — это решение продиктовано исключительно моим внутренним состоянием. Я надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь отпустить эту ситуацию без обид. Пожалуйста, перестань перерабатывать. Ты просто рухнула на пол прямо во время разговора, бедняжка. Я испугался за тебя, но понял, что не могу больше так жить. По поводу автомобиля и денежных средств решим потом. Береги себя. С уважением, Дин.»

С уважением

С уважением.

Она дотронулась до своей шеи. Пальцы нашли синяки, что никак не вписывались в историю о ее потере сознания из-за переработки.

Все вспомнила. Даже заплакать не смогла.

Никакого «потом» не настало. Она еще полгода ходила в цветочный, на работу и, почему-то, ждала. Сама не понимала чего. Все полгода она черствела. Эмоции уходили прочь, прежней нежности в голосе не осталось.

Она поняла, что больше в Портленде ее ничего не держит. Перед отъездом в Калифорнию, в уже пустой ванной комнате, перед потрескавшимся зеркалом, Элис отрезала свои длинные волосы маникюрными ножничками. Рвано, грязно, небрежно, но других в квартире не было.

Раковина забита обрезками волос, на которые капает протекающий кран. На улице слышны крики и смех. Проезжающие машины, скейтеры. А она стоит у зеркала. Трясется. Смотрит на отражение. На себя. На пластиковую. На силиконовую. Кукла для секса в дешевом платье.

Поюзали.

Сломали.

И выкинули.

В глаза бросилась упаковка лезвий для бритвы — забыл Дин.

Рука потянулась сама. Пальцы дрожали, когда они коснулись пластика — холодного, гладкого, чужого. Элис замерла. Она не решалась сжать их. Просто водила подушечками по шершавой поверхности, чувствуя, как сердце начинает стучать где-то в горле.

Она не поняла, как в ее руках оказалось уже распакованное лезвие. Не помнила, когда открыла упаковку — язычок дрожал, ногти скользили, не могли поддеть край. Внутри — металл. Тонкий, серый, почти невесомый. Элис смотрела на него, не моргая.

Она не знала, что делать дальше. Хотела положить на место. Но не могла разжать пальцы — они будто приросли, будто сами ждали чего-то. Она зажмурилась. Дыхание стало редким, грудь сдавило.

Один порез. На бедре. Тонкая линия, горячая. Кровь показалась не сразу — сначала белая полоса, потом красная. Боль не резкая — тупая, живая.

Она выдохнула. Рука разжалась. Лезвие упало в раковину. Звякнуло. Элис открыла глаза. Посмотрела на порез, на каплю, которая медленно ползла вниз, к колену.

Привело в чувства.

Внутри что-то сломалось. С треском.

Больше плакать не хотелось. Совсем.

Просто свалить отсюда.

Два часа ночи. Коста Меса, мотель «El Paraiso Apartments».

Элис вылезла из такси. Забрала вещи и пошла во двор мотеля. На пластиковом стуле сидела женщина и смотрела в небо, потягивая сигарету.

— Можно у вас комнату снять? Деньги есть.

— Ай, мiја! Напугала меня! — воскликнула она, стараясь встать со стула. Широкие бедра вылезли не сразу. Женщина, ударами по подлокотникам, сбила его вниз.

— Можно или нет?

— Ну — женщина повертелась по сторонам, положила руки на бока и подергала носком, подняв небольшой клубок пыли. — В два часа ночи я никого не заселяю, мiја

— Поняла. — обронила Элис и развернулась. Она уходила быстро, будто старалась что-то скрыть.

Женщина сжала губы в тонкую линию, жалобно свела брови. Спустя пару секунд уже бежала за Элис с ключами.

— Стой, доченька! — кричала она. — Завтра заселишься, пока что просто переночуй хоть! Ты ж не местная, сразу видно!

Элис остановилась. Медленно повернулась и заметила, как женщина несется на нее. Хотела улыбнуться, но не вышло.

— Как тебя зовут то, мiја? — все еще бежала она. — Я Летиция Хименес.

— Элис. — обронила она. — Элис Брайтвуд.

[сломана]

Глава 2.2. Неудачники: Нэйт.

«Порой, самый сильный удар прилетает от тех, от кого не ждешь»

Игорь Бауэр, автор.

Модесто, Калифорния. Пятнадцать лет назад.

На трибуне футбольного поля сидел самый толстый мальчик в школе. Делал вид, что читает учебник, но не читал. Затаив дыхание, ждал звонка — слиться с толпой, чтобы его не видели.

Десятилетний парень весил больше любого учителя. Над ним смеялись не в классе — по всей школе. В десять он был выше нормы, но это делало его только заметнее.

— Ты просто крупный, Натаниэль, — говорила мама, накладывая очередную порцию mac'n'cheese в его большую тарелку. Это был ее язык любви. По-другому она не умела. Нэйт был единственным ребенком — выигрышем в лотерею.

«Мне бы не хотелось говорить такое, но у вас диагностирован эндометриоз», — слова гинеколога, которые она с ее молодым человеком услышала за шесть лет до его зачатия.

«Ты просто крупный, сынок». После маминых слов отец всегда молчал. Внутри него боролись двое: один не хотел делать больно жене, другой — чтобы сын не умер от ожирения.

Когда Нэйту исполнилось тринадцать, его мама слегла в больницу. Рак на фоне эндометриоза. Отец знал, что так будет, но все равно не мог подготовиться. Отец собрался в больницу, Нэйт сидел в гостиной и смотрел очередной повтор «Кика Бутовски» по Disney XD.

— Сын, ты поедешь к маме? — надевая ботинки, спросил он.

Нэйт молча встал и пошел собираться. По дороге отец все решался заговорить с сыном. А Нэйт сидел на переднем и просто смотрел в окно.

— Нэйт, — выдохнул отец, — мамы может не стать. Пожалуйста, будь готов к этому, — с надрывным выдохом отец сказал.

— Когда? — коротко спросил Нэйт.

— Не знаю. Надеюсь, я ошибаюсь. — рукавом куртки вытер стекающую по щеке слезу и продолжил вести машину.

Больница, палата, вся семья в сборе. Отец сидит в углу, опустив голову вниз, и легко подергивается. Без звука.

— Нэйти, сынок, — хриплым голосом нежно протянула мама. Нэйт смотрел на нее. Впалые глазницы, щеки. Кожа бледная, как мел, и тонкая как бумага. Мама протянула ослабленную, почти безжизненную руку к щеке сына. Он почувствовал, как ее пальцы дрожат. Даже сейчас. Даже умирая, она пыталась быть сильной для него. Улыбнулась, как мать, которая испытывает вину перед своим ребенком. «Мам» — все, что смог выдавить из себя Нэйт.

— Ты меняешься, сынок. Будь смелым, не позволяй помыкать собой. Я тебя люблю, Нэй...

Нэйт коснулся руки мамы. Ее рука упала. Из безжизненных, стеклянных глаз потекла одна-единственная слеза. Оборудование издало протяжный, ровный писк.

Тишина. Только звук приборов. И отец, который не мог поднять голову.

Еще несколько секунд Нэйт не понимал, что происходит.

Он сорвался.

Не сразу — сначала просто замер. Смотрел на ее руку, которая упала. На лицо — спокойное, пустое, чужое. А потом — грудью выдохнул, будто его ударили. И закричал. Не слова — звук. Нижний, горловой, как у раненого зверя.

Руки сами потянулись к телу. Обхватили, прижали — горячее, еще теплое, почти живое. Он прижимался щекой к ее щеке, чувствовал, как кожа остывает, как затихает пульс под ухом. И шептал, уже не кричал — давился словами, глотал их, выплевывал:

— Скажи еще. Скажи, что любишь. Скажи. Пожалуйста. Мам.

Пальцы впивались в халат, в плечи, в мягкую ткань, которая еще пахла ее духами — старыми, теплыми, домашними. Он не чувствовал, как врачи берут его за руки, за плечи. Дергался, отбивался, не глядя. Кричал уже хрипло — сорвано, бесполезно.

— МАМ! МАМА!

Отец сидел в углу на корточках. Прижал кулаки ко рту — так, что костяшки побелели. Не издал ни звука. Только плечи ходили ходуном. Только смотрел в одну точку. Только ждал, когда это кончится.

А Нэйт все еще обнимал тело. И не хотел отпускать. Потому что если отпустить — это станет правдой. А он не был готов. Никогда не был готов. И не будет.

Мать умерла. Отец ушел в запой. Нэйт стал менее разговорчивым, начал защищаться.

Поначалу его избивали. Сильно. До потери сознания. Но месяцы шли, тело крепчало. Сил появлялось больше, уверенности — тоже. К тринадцати с половиной он уже не был тем мальчиком, которого все били. Он стал тем, кто бьет первым.

В квартире было тихо. Телевизор в гостиной что-то бормотал сам для себя. Отец спал на диване прямо в одежде. От него пахло пивом. Иногда он всхрапывал, дергал ногой и снова затихал. Нэйт сидел на кухне за столом. Перед ним стояла кружка с давно остывшим какао. В одной руке он держал телефон, а другой медленно гладил спинку маминого стула. Просто гладил. Как будто это могло что-то изменить.

В трубке шли гудки. Нэйт смотрел на пустое место за столом и ждал. Сам не знал чего. Наверное, чуда. Того самого, которое бывает только в мультиках и дурацких фильмах. Что сейчас мама возьмет трубку, засмеется своим тихим смехом и спросит, почему он не спит. Гудки закончились. Женский голос сообщил, что абонент временно недоступен. Нэйт сбросил вызов и сразу нажал на звонок снова. Даже не думая. Палец сам нашел нужную кнопку.

Он провел ладонью по спинке стула и опустил глаза. Здесь всегда сидела мама. Утром пила кофе. Вечером рассказывала что-нибудь про работу. Спрашивала, как дела в школе. Пропустила не сутулиться. Иногда ругала отца за то, что тот опять бросил носки где попало. Раньше Нэйт закатывал глаза и мечтал, чтобы она хоть ненадолго замолчала. Сейчас бы он многое отдал, чтобы снова услышать хоть что-нибудь.

Гудки продолжались. Один за другим. Ровные. Безразличные. Нэйт прижал телефон к уху сильнее и зажмурился. Подбородок дрогнул. Он уже понимал, что никто не ответит. Понимал это еще до того, как набрал номер. Но где-то глубоко внутри жила маленькая тупая надежда, которая отказывалась умирать.

— Мам... — еле слышно выдавил он. — Ну возьми...

Из гостиной донесся особенно громкий храп. Нэйт открыл глаза. Пустой стул. Пустая кухня. Пьяный отец на диване. Телефон в руке. Только сейчас до него по-настоящему дошло, что мама больше никогда не сядет на это место. Никогда не откроет дверь. Никогда не позовет его ужинать. Никогда не поднимет трубку.

Он опустил голову и заплакал. Без крика. Без истерики. Просто сидел, вцепившись в спинку стула, и слушал гудки до тех пор, пока экран телефона не погас.

К пятнадцати он вымахал до ста восьмидесяти. Почти не ел, вес уходил сам по себе. Еще через полгода — под сто девяносто. Но колени вели себя странно. Стали менее подвижными, в некоторые дни не сгибались до конца. Он не придавал этому значения — думал, рост.

В один из дней его схватили за углом. Группа школьников, которым он чем-то насолил. Нэйт уже был готов дать отпор, но ноги сыграли за другую команду. Он не смог вернуться — ноги просто задубели.

Его избили. На этот раз не просто до потери сознания, а до реанимации. В больнице же ему и поставили диагноз — остеохондрома.

Два месяца он лежал прикованным к больничной койке — не мог согнуть ноги в коленях. Они предательски ныли, создавая фоновую боль. Из-за нее Натаниэль перестал замечать почти любой раздражитель. В больнице он почти не ел — не хотел. Последние следы того самого «Биг-Мака» полностью ушли.

Когда он наконец встал и посмотрел на себя — обомлел. Перед ним стоял высокий худощавый парень. С разбитыми костяшками и шрамами. Таких он видел только в боевиках несколько лет назад.

— Смотри мам — подбородок задрожал. Он сжал губы и пробормотал, смотря в зеркало.
— А я и не крупный

Он опустил голову. Слезы закапали на пол.

— Совсем.

После возвращения в школу никто не мог понять, кто перед ними. Всем казалось, что они знают его. Но мозг отказывался понимать, что это тот самый жирный Нэйт, которого все били.

Нэйт шел по коридору к своему шкафчику. Замечал, что девушки смотрят на него — не как на старого Нэйта. Ему было все равно.

Он открыл шкафчик. Рука легла на плечо — чужая, тяжелая. Нэйт забыл, что хотел. Тело отреагировало быстрее мозга. Он не понял кто, но услышал только:

— Эй, Биг-Мак, дашь номер своей мамаш

Удар.

Парень упал.

Нэйт сорвался. Налетел сверху, прижал коленом грудь. Одной рукой перехватил запястья парня — придавил к полу, зафиксировал.

Удар. В скулу.

Крик. Не слова — звук. Нижний, рваный, из самого дна.

Удар. В нос. Кровь брызнула на пальцы. Нэйт не вытирал. Не смотрел. Все, что копилось годами — обида, страх, ненависть к себе, отцовское молчание, мамина «забота» — вырывалось наружу.

Он плакал. Слезы капали на лицо парня снизу. Мешали видеть. Но он не останавливался. Бил. Кричал. Рыдал. Все вместе — в один сплошной, мокрый, безжалостный звук. Пока не услышал всхлип. Не свой — чужой. Тот, кого он держал, уже не сопротивлялся. Только с силой отворачивал голову. Трясся.

Нэйт замер. Кулак застыл в воздухе. Он смотрел на разбитое лицо под собой — и не узнавал себя. Отпустил. Медленно поднялся и пошатнулся.

Вытер лицо рукавом. Встал. И пошел дальше, не оглядываясь. Только кулаки сжимались. И внутри — тишина. Та самая, после которой ничего не будет как прежде.

В этот день отца впервые вызвали в школу. Хотели отправить Нэйта в колонию для несовершеннолетних, но отец пообещал, что подобного не повторится.

После больницы Нэйт понял: не бить ногами и не бить лежачего — быть побитым самому. С тех пор любую драку он выигрывал. Ему было все равно. Противник лежит и просит не трогать? Запинает ногами. Человек в очках нарывается? Ударит прямо в очки. Отец стал частым гостем директорского кабинета.

Последней чертой стало избиевание двух парней — они донимали какую-то девочку. Это были не парни. Это были дети, что на три года младше него самого.

Отец договорился замять дело. Отвалил крупную сумму за молчание.

Он смотрел на своего сына. Весь побитый, в крови, с абсолютно безжизненным лицом. В глубине души отец понимал, что это Нэйт. Сын. Его кровь. Но разум кричал, что он опасен. Отец, со слезами на глазах, и болью в сердце, попросил сына уйти. Из этого дома, из его жизни.

— Я не растил монстра — сказал отец.

Нэйт стоял за закрытой дверью.

— Ты меня просто не растил.

Нэйт нелегально жил в подвале какого-то магазина, но взамен помогал владельцу с работой, за что порой даже получал деньги от него. В течение двух лет из его жизни постепенно уходила жестокость, изменяясь с помощью доброты его названного отца. Владельца магазина. Он стал меньше агрессивировать без повода, стал более сговорчивым и снова начал улыбаться.

На восемнадцать Нэйт остепенился. Не сразу — месяц за месяцем. Перестал бросаться на людей. Не потому, что научился прощать — просто устал. Накопил на колледж. Хозяин магазина, который стал ему почти отцом, обнял на прощание, что-то сказал — важное, напутственное. Нэйт забыл через минуту. Не потому что плевать. Потому что это Нэйт.

Денег хватило ненадолго. Отчислили через год. Он не злился. Только подумал: «Раньше бы взбесился. А сейчас — нет». Это было странное, тихое открытие.

В том году появилась Нами. Тихая, уютная — он не умел объяснить иначе. Она не лезла в душу, не спасала, не переделывала. Просто была рядом. И Нэйт — сам того не замечая — менялся. Перестал лезть в драки. Начал помогать людям. Просто так, без выгоды.

Может, из-за нее. Может, просто пришло время. Он не знал. Да и не думал об этом. Просто жил — и становился другим. По чуть-чуть. Как и положено.

После отчисления Нэйт не перестал общаться с Нами. Наоборот. У него появилось больше времени. Он провожал ее до дома, дарил цветы, рассказывал ей истории из прошлого, ходил с ней на свидания и Он влюбился. Не до беспамьятства, но настолько сильно, насколько он даже и мечтать не мог. На ее вопрос «А за что ты меня полюбил?», он смеялся и говорил «просто ты чудо». Нами была среднего роста, японка со светлыми и длинными волосами. Хотя Нэйт считал ее маленькой. Для него все люди были маленькими. Уже в восемнадцать лет он был ростом почти два метра.

Он хотел подарить Нами весь мир, но решил начать с меньшего. Подарить ей хорошую жизнь. Устроился помощником мастера по ремонту техники с уклоном в компьютеры. Там получил опыт, который пригодится в будущем. На первые деньги снял квартиру. Небольшую, не лучшую, далеко не в центре Модесто. Но уютное гнездышко — потому что с ним была Нами. Спустя время она переехала.

Они жили рука об руку: она училась, он работал. На работе познакомился с парнем — таким же высоким и обаятельным. Мэтт. Поначалу Нэйт сторонился его, не хотел заводить друзей, но все вышло как-то само. Они могли ни с того ни с сего начать говорить о всякой ерунде: о погоде, о политике, о том, как Мэтт не попал в унитаз с двух метров. Мэтт разбудил в нем другую личность — доброго, язвительного весельчака. Они подкалывали друг друга, шутили на разные темы.

Однажды, после работы, Нэйт пригласил Мэтта домой попить пива и посмотреть UFC по телеку, который он купил недавно. С Нами он уже договорился, она была не против, но не сказать, чтобы за.

Нэйт даже не понимал, какую ошибку он совершает.

Вечер. Битва двух ММА-бойцов.

Нэйт сидит на диване, откинувшись, пиво в руке, ноги на журнальном столике. Он смотрит в экран — не отрываясь, когда бойцы сходятся в центре октагона. В комнате тепло, пахнет попкорном и дезодорантом Мэтта. Рядом — Нами. Ее нога касается его бедра. Он машинально гладит ее колено, не отрывая взгляда от телевизора.

Он не знает.

Не знает, что Мэтт уже давно не смотрит на экран. Его взгляд — на Нами. Не мельком — в упор. Изучающе. И она не отводит глаза. Отвечает тем же. Секунда. Две. Дольше, чем нужно. Дольше, чем можно оправдать случайностью.

Нэйт ничего не чувствует. Ни подозрения, ни холода, ни тянущей пустоты в груди. Его рука лежит на ее ноге — теплая, спокойная. Он уверен. Он не знает, что за его спиной уже все решилось. Что Мэтт и Нами смотрят друг на друга не как друзья — как те, кто давно хотят, но не могли. И сейчас — могут.

Нами поправляет волосы. Нэйт не видит — занят боем. Мэтт улыбается ей — не широко, не открыто, так, чтобы никто не заметил. Только она. Она улыбается в ответ — уголками губ. Нэйт почесал живот. Мэтт пододвинулся ближе — на несколько сантиметров. Нами не отодвинулась.

Все это — не случайность. Не «так вышло». Все это — тихое, тщательно скрываемое, но уже состоявшееся предательство. Без слов. Без клятв. Без поцелуев. Пока — без. Просто взгляды, которые значат больше, чем любые обещания.

Нэйт не видит. Он смотрит бой. И не знает, что его собственный — уже проигран. Без ударов. Без крови. Смертельное любого нокаута. Потому что он верил

Верил.

Шли годы, Нэйт ушел с работы. Начальник был не против. На сбережения снял помещение для нового магазина компьютерной техники. Мэтт все чаще стал приходить в гости, чаще стал оставаться подольше. Нэйт, не зная всей картины, сделал Нами главным бухгалтером, а Мэтта совладельцем — он помогал с открытием, поставками и остальной мелочевкой.

Laud Tech. Так он назвал свой магазинчик.

Идиллия. Его личная.

Его, уже на тот момент, невеста помогала с бумагами. «Лучший» друг — налаживал связи. Все шло отлично, и он сделал Нами предложение. Сыграли свадьбу, не прям чтобы роскошную, но деньги имелись.

Нэйт купил квартиру, машину. Бизнес рос. К двадцати четырем годам оборот достиг полумиллиона долларов в год. Не Кремниевая долина, но тоже неплохо. Выше среднего.

Модесто, 3 ноября 2025 года, — день, когда весь мир, который Нэйт так бережно хранил, так кропотливо выстраивал, рухнул.

— Иди поцелую, зайчонок. — вытянул руки Нэйт. Улыбался, как маленький ребенок.

Нами подошла. Как-то неохотно, торопливо. Будто опаздывала куда-то.

Нэйт поцеловал ее в щеку, но хотел в губы. Она отвернула голову. Но он не придал значения.

— Ты когда домой? — отстранилась она.

— Да где-то через час, наверное. — не убирая улыбки с лица, ответил он. — Ты поезжай, не надо ждать.

Она кивнула и пошла на выход.

— До встречи, зайчонок! — кинул он ей вслед, но она не отреагировала.

Остался в магазине после закрытия — хотел сдать крупный заказ.

Конечно он сказал неправду. Хотел сделать маленький сюрприз.

Спустя десять минут уже ехал домой. Такой спокойный вечер: вокруг люди, радуются, шумят. Нэйт остановился у тротуара, зашел в цветочный. Он не был романтиком, но искренне хотел стать им ради Нами. Купил «самый нежный и женственный» букет, огромного, плюшевого медведя и сел в машину. Позвонил Нами.

Не отвечает.

Еще раз.

Гудки идут, но трубку не поднимает.

«Может, не слышит», — подумал Нэйт.

Приехав домой, он посмотрел на букет. Собирался с мыслями. Репетировал речь. Сам не понимал зачем. Просто не хотел запинаться перед ней. Забрал медведя и пошел домой.

— Здравствуйте. — улыбнулась соседка в лифте. — Это кому такая красота?

Нэйт засмутился. Отвел взгляд.

— Да так. Порадовать жену хочу. — робко ответил он.

Девушка хихикнула, прикрыв рот рукой.

— Повезло ей с вами.

Нэйт кивнул и посмотрел на табло, где отображались пройденные этажи.

Подождал к двери, выдохнул. На секунду засмеялся. «Я готовлюсь говорить жене, что люблю ее», — подумал он.

Открыл дверь.

Конец. Всего.

Нэйт застыл. Он видел, как одно тело слезает с другого. Со стола, который он купил. В квартире, которую он купил. С женой. Которую он любит.

А она его?

— Что за... — Нэйт дрожит. Голос дрожит. Ноги ватные. Дышать не получается. Он отвел глаза с такой силой, с какой никогда не бил. Смотрел на пол, пока Мэтт натягивал штаны, а Нами прикрывалась футболкой Мэтта.

Он пытается моргать — веки не сходятся. Глаза горят. Слезы текут сами — не по щекам, а вниз, за воротник, под рубашку, горячо и стыдно. Слова не идут дальше горла — застревают где-то в груди.

— Нэйти. Я тебе все об... — Нами дышит часто, запыхавшись.

— Заткнись. — Он перебивает, сам не свой. Голос чужой. — Не надо. Молчи.

Он поднимает глаза — смотрит на них. На нее. На него. На то, как они торопливо натягивают одежду, не глядя друг на друга.

— Вы — Он сглатывает. Горло сухое, горькое. — А зачем я Вот это все Зачем я старался? — Он переводит взгляд на Нами. — За что?..

Они молчат. Только слышно, как Мэтт застегивает ширинку. Нами поправляет волосы — машинально, как после душа.

— Чего я тебе не дал? — Нэйт уже не спрашивает — выдыхает. Голос ломается, ноги подкашиваются. — Что я сделал не так?..

Мэтт одевается первым — всегда был быстрее. Делает шаг вперед, руки вперед, как перед псом.

— Дружище

Нэйта трясет.

— Пойми правильно, — Мэтт уже не смотрит в глаза — в пол, в сторону, на свои руки. — Так бывает Ну, Нами любит меня.

— А меня? — Нэйт смотрит на нее. Слезы текут — не вытирает.

— Нэйт, я

Он не помнит, что она сказала. Не помнит, как подошел. Не помнит первый удар.

Помнит только крики. И звук, когда кулак встречается с лицом друга. Несколько раз. Много. И чей-то плач — ее, свой, непонятно.

А потом — темнота. И тишина. И пустота, которая не заполнится уже никогда.

Когда его отпустило — он сел на диван в гостиной и включил телевизор. Шли повторы «Кика Бутовски» по какому-то каналу, он не смотрел на название.

Вроде Была истерика. Женская. И какое-то хрипение и кашель. Он не помнил.

Полиция приехала, Нэйт не отрицал и не сопротивлялся. Когда его уводили, он не посмотрел в их сторону. Их уже не существовало. Особенно Мэтта. Ему повезло, что Нэйт пришел в себя, пока не стало слишком поздно.

Ночь. Изолятор. К решетке подходит дежурный полицейский, стучит дубинкой по ней и говорит:

— Эй, парень, за что тут?

Нэйт медленно поднял глаза и уставился прямо в душу офицеру.

— Поверил в счастье, — безжизненно произнес и опустил голову вниз.

Полицейский глубоко вздохнул, достал жвачку из кармана, закинул одну себе и предложил Нэйту.

— Будешь? — Полицейский смотрел на Нэйта уже другими глазами. Понимающими. Нэйт поднял глаза, протянул руку. Он не хотел жвачку, но взял ее, потому что это был не столько жест щедрости, сколько попытка поддержать. Глупая, но рабочая. Нэйт был благодарен, но не показал этого.

— Знаешь, парень, что бы ни случилось, не позволяй ей разрушить твою жизнь, — сказал полицейский, смотря куда-то в коридор и убирая пачку в карман. — Я вижу, как тебе хреново. Но это временно.

Полицейский отодвинулся от решетки, глубоко вздохнул, стукнул ладонью по клетке два раза, как бы подразумевая и «спокойной ночи», и «я тебя понимаю». Нэйт запомнил этот жест. Полицейский подтянул штаны, поправил ремень. Посмотрел на него последний раз и понимающе кивнул.

Пелена. Беспамятство. Все, что он так хранил, отняли эти двое. Суд дал полгода общего режима за тяжкие телесные. На заседании он молчал — даже когда спрашивали. Не мог ненавидеть. Не было сил. Не было желания.

Ночь. Месяц после освобождения. Нэйт стоит у своего пикапа — старенького, местами ржавого. Ест кранчерс. У него нет дома. Нет магазина. Нет ничего. Ничего, кроме тысячи долларов, которые он заработал на днях — весь месяц жил в пикапе и работал уборщиком на дорогах.

Но сейчас он стоял и чувствовал — скоро станет свободным.

Он смотрел на обрыв. Не на море — на край. Туда, где земля обрывалась, а воздух становился пустым. Один шаг. Всего один. И не надо больше ничего решать. Не надо вспоминать. Не надо прощать.

Камни сыпались из-под ног. Мелкие, холодные. Он смотрел, как они падают — сначала быстро, потом все медленнее, пока не исчезали внизу. И думал: «Как я. Как я буду. Если сейчас».

Не плакал. Не кричал. Просто — стоял. Смотрел вниз, на волны, на черную воду, которая не боится глубины.

«Один шаг».

Он подумал это не вслух — внутри. Тихо, спокойно, как о чем-то давно решенном.

Никто бы не узнал. Никто бы не пришел. Только ветер, только камни, только вода, которая примет, не спрашивая. Он шагнул бы — и все. Ни боли, ни памяти, ни этого пустого, выжженного будущего.

Он замер.

Потом — кивнул. Себе. Тому, кто внутри хотел этого больше всего. И отошел.

Не потому, что испугался. Потому что понял: он еще не настолько устал. Не настолько. Пока.

Сел в машину. Открыл телефон. Airbnb.

«El Paraiso».

Все. Просто — ехать. Не думать. Не вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.